помогающее нам справиться с волнениями враждебного и неясного мира. Но в той концентрации и по тому рецепту, по какому его отпускает Кьезара, скептицизм, боюсь, грозит оказать на разум не успокаивающий, а глубоко снотворный эффект. Усыпленный транквилизатором Кьезары разум обращает мало внимания на аргументацию, обоснованность, надежность, внутреннюю последовательность и непротиворечивость. Впрочем, зачем думать, если главная цель – поменьше переживать?

Институт философии РАН

А.Т. Юнусов
forty-two@mail.ru

Вальтер Бершин. *Греко-латинское Средневековье: от блаженного Иеронима до Николая Кузанского*. Перевод с немецкого А. Виноградова. М.: АСТ, 2024. – 416 с. ISBN 978-5-17-165601-0.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-48-53 УДК 1(091)

Вальтер Бершин (Walter Berschin) – выдающийся немецкий филолог-медиевист, профессор латинской словесности Гейдельбергского университета, руководитель престижного семинара по латинской филологии Средних веков и Нового времени, автор монументального пятитомного исследования «Биография и стиль эпохи в латинском Средневековье» (Biographie und Epochenstil im lateinischen Mittelalter, Штутгарт, 1986–2004), посвященного латинской агиографии и ее связи с литературными стилями различных периодов Средневековья. Его монография «Греко-латинское средневековье» (Griechisch-lateinisches Mittelalter) представляет собой всестороннее исследование культурного взаимодействия между греческим Востоком и латинским Западом, охватывающее период с IV по XV вв. Основное внимание автор уделяет феномену двуязычия, переводческой

© Карпов К.В., 2025

деятельности, роли Византии как посредника в передаче античного наследия, а также динамике угасания и возрождения греческого языка в Западной Европе.

Это классическое исследование, посвященное важной и давно обсуждаемой проблеме. Вообще, вопрос о «западном эллинизме» был излюбленным предметом изучения медиевистов начиная с XVII в. В XX в. к нему обращались такие выдающиеся ученые, как Бернхард Бишофф, Людвиг Траубе, Пьер Курсель, Марио Эспозито и Роберто Вейсс, каждый из которых внес свой вклад в изучение различных аспектов этой темы. Значимость вклада Бершина заключается в том, что его книга охватывает всё Средневековье как в географическом, так и в хронологическом отношении, объединяя достижения современной ему науки – трудов многих историков, палеографов и филологов.

Бершина не интересует тривиальный вопрос о степени владения греческим языком на Западе. За этим вопросом скрывается множество методологических и интерпретационных сложностей: что вообще означает «знать греческий язык» в контексте средневековой Западной Европы? Главная цель автора – проследить влияние греческой учености, какими бы путями и средствами она ни передавалась, на латинскую литературу Запада. Литургисты, учителя, паломники, художники, послы, торговцы и прежде всего переводчики, – деятельность всех их становится объектом тщательного анализа с точки зрения греко-латинского литературного обмена. Благодаря кропотливому изучению и искусному чтению множества разнородных источников Бершину удается зафиксировать непрерывные контакты между греческим и латинским интеллектуальными мирами на протяжении всего Средневековья. В определенные периоды и в отдельных регионах Запада интерес к греческим текстам был особенно заметен: в остготской Италии, каролингских землях, Оттоновской Германии, норманнской Сицилии, в Испании и Англии XIII–XIV вв. Лишь после катастрофы 1453 г. живая связь с греческим миром оборвалась, и Запад обратился к изучению замкнутой, далекой, «идеализированной» греческой Античности, превратив ее наследие в интеллектуальный музей.

Если говорить о структуре книги, то в двенадцати главах Бершин детально исследует мир западных ученых, школ

и переводчиков. Латинские и греческие тексты (последние даны маюскулом, как в средневековых рукописях) переведены на немецкий язык. Соответственно, в русском издании они переводятся с языка оригинала. Ключевые аспекты разбираются в библиографических примечаниях, набранных мелким шрифтом, а каждая глава сопровождается подробными комментариями.

Выделим основные смысловые блоки исследования Бершина.

Первый аспект – двуязычие как основа средневековой культуры (V–IX вв.). Бершин начинает анализ с позднеантичного периода, подчеркивая, что Рим и Италия оставались зоной активного греко-латинского двуязычия даже после падения Западной империи. В главах, посвященных V–VII вв., он анализирует греческие элементы в латинской культуре: деятельность грекоязычных пап (например, Захарии), использование греческого в литургии и документах, билингвизм в эпиграфике (надписи в римских церквях), а также ключевых фигур-посредников – Дионисия Малого, переводившего канонические тексты, и Северина Боэция, чья нереализованная до конца программа полного перевода корпусов сочинений Платона и Аристотеля и синтеза их философий тем не менее заложила основы средневековой логики. Особое внимание уделено монастырским центрам: греческим обителям Южной Италии (например, Гроттаферрате) и римским скрипториям, где сохранялись двуязычные рукописи.

Второй аспект – влияние греческого языка на латинский Запад и механизмы греко-латинского культурного обмена. Особое внимание уделено контактам между Византией и Западом, осуществлявшимся через дипломатию и администрацию – Равеннский экзархат как уникальный пример греко-латинского синтеза (греческие чиновники, архитектура Сан-Витале, двуязычные документы), церковные связи – полемика вокруг иконоборчества (VIII–IX вв.) и миссия свв. Кирилла и Мефодия к славянам, затронувшая и латинский мир, а также переводы богословских текстов – акты Вселенских соборов, сочинения Отцов Церкви (такие, как труды Максима Исповедника).

Третий аспект – деятельность переводчиков и центров учености. Бершин показывает роль отдельных интеллектуалов и монастырей в сохранении греческого наследия. В главах

о VII–IX вв. рассматривается работа ирландских и англосаксонских монахов с греческими рукописями (например, в Сен-Галлене и Райхенау), анализируется деятельность Иоанна Скота, вероятно, контактировавшего с византийскими учеными в Италии, осуществившего перевод Ареопагитик с греческого и синтезировавшего неоплатонизм с христианской теологией. Бершин показывает, что Каролингское возрождение в целом сыграло роль в возобновлении почти потухших контактов с грекоязычным миром – придворные школы при Карле Великом весьма способствовали возрождению интереса к греческой учености, а потому при них возобновилось предподавание греческого, который изучался как часть artes liberales, хотя уровень владения языком оставался базовым.

Четвертый аспект – упадок и возрождение греческого языка на Западе. Бершин выделяет два переломных момента: VII–VIII вв. (сокращение греческого влияния после арабских завоеваний и утрата византийских территорий в Италии: Бершин отмечает исчезновение греческой эпиграфики и упрощение языка в сохранившихся рукописях) и XII–XIII вв. (новый этап переводческой активности, связанный с крестовыми походами и прямыми контактами с Византией, переводческими центрами в Толедо, где изначально практиковались переводы с арабского, и Сицилии, где изначально при норманских королях греческая литература переводилась непосредственно с греческого). Особое внимание уделено Вильему из Мёрбеке.

Пятый аспект – рецепция греческой учености гуманистами. Бершин опровергает стереотип о «внезапном открытии» греческой культуры в XIV–XV вв., показывая, что этот процесс имел глубокие корни в Каролингском возрождении и деятельности средневековых скрипториев. Ранний итальянский гуманизм, по его мнению, обязан своим расцветом византийским ученым, таким как Мануил Хрисолор, который преподавал греческий во Флоренции и вдохновил таких учеников, как Леонардо Бруни, а также греческим рукописям, привезенным после падения Константинополя, а кроме того, и более ранним контактам (через Венецию и Южную Италию), а средневековая латинская (в том числе и схоластическая) традиция подготовила почву для ренессансного гуманизма.

В своей работе Бершин сочетает филологический анализ с погружением в исторический контекст, демонстрируя, что граница между «греческим Востоком» и «латинским Западом» была порой условной. Уже с самого начала изложения он рассуждает, к сожалению, в непривычных для отечественного читателя хронологических и географических рамках. Так, Средние века для него начались тогда, когда еще вполне существовала Античность (нижняя граница его анализа – деятельность Иеронима Стридонского), соответственно, и конец Средневековья приходится не на XV в., как это порой принято, а тоже растягивается. Что касается географических границ, то сама тема раздвигает наши представления о Средневековье: он показывает, что с точки зрения интеллектуальной истории оно захватывает не только Западную и Центральную Европу, но, по крайней мере, и греческий Восток, т.е. Малую Азию, Левант и Северную Африку. Остается только порадоваться, что эти представления, позволяющие более адекватно представить интеллектуальную историю Средних веков, станут теперь доступны широкому кругу читателей, интересующихся историей.

Что касается русского перевода, то он выполнен добросовестно: он адекватен оригиналу, воспринимается легко. Особенно хорошо, что для русского издания автор внес исправления в оригинальный текст. В издании был сохранен оригинальный формат библиографических ссылок. Переводчик пишет, что это вызвано «трудностями по поиску и библиографической сверке узкоспециальных работ, в изобилии приводимых Бершином в сносках и основном тексте» (с. 6). По-моему, это довольно вялое оправдание. Следование принятым стандартам, каким бы скучным и трудоемким оно ни было, всё-таки необходимо для издания, считающего себя академическим. Той же критики заслуживает и условность хронологической таблицы (фактически – простое перечисление дат). Как таблицей, т.е. хронологическим сравнением событий в разных регионах, ей пользоваться невозможно. Тем не менее это не умаляет ценности проделанной работы, за которую переводчику и редакционной коллегии следует выразить самую глубокую благодарность.

В заключение отмечу, что тема греко-латинских контактов и влияний в Средневековье далеко не единственная. Внимания заслуживают также история греко-сирийских, арабо-латинских, греко-сиро-арабских, арабо-еврейских, славяно-греко-латинских контактов. По этим темам имеются интересные исследования, которые, надеюсь, редколлегия серии «Страдающее Средневековье» также представит отечественному широкому читателю.

Институт философии РАН

К.В. Карпов
kirill.karpov@gmail.com

Ибн Сина (Авиценна). *Исцеление. Теология*. В 2 т. Перевод с арабского, примечания и послесловие Т. Ибрагима. Институт востоковедения Российской Академии наук, Центр арабских и исламских исследований. М.: ИВ РАН; Садра, 2024. – 720 с.; 600 с. ISBN 978-5-907543-86-7; 978-5-907552-51-7.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-53-57 УДК 1(091)

С переводной литературой по средневековой философии и теологии в России дела обстоят не слишком хорошо. Если сравнивать объем переводов классических текстов той эпохи на европейские языки и на русский, то сравнение будет далеко не в нашу пользу. Это касается как христианской западной философии и теологии, так и ближневосточной – арабской и еврейской. Нет необходимости доказывать, насколько важно изучение философских и богословских традиций разных культур, и особенно тех, что непосредственно повлияли на генезис европейской науки. Последняя получала импульсы к развитию начиная с XII в. во многом от арабской теолого-философской мысли. Ее представители в глазах христианских схоластов XIII–XVI столетий стали авторитетами, на мнение которых

© Федчук Д.А., 2025